

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ В.А. КАРПОВА И РАЗВИТИЕ ДИСКУРСИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

В сфере научного познания уже на протяжении многих веков идут два разнонаправленных процесса: с одной стороны, центробежный процесс дифференциации научных знаний, а с другой - центростремительный процесс интеграции научных знаний [13, с. 286-287]. Причем этими двумя процессами охвачены как мировая наука в целом, так и каждая научная дисциплина в частности. Результатом воздействия на развитие мировой науки, к примеру, центробежного процесса является «резкое падение связности науки, что проявляется во все более и более узкой специализации (до 72 тысяч научных дисциплин на 2004 г.)» [11, с. 83]. В свою очередь, влияние центростремительного процесса проявляется путем формирования все новых и новых междисциплинарных областей знаний, разработки предельно общих теорий, доктрин и концепций.

На уровне отдельной научной дисциплины (лингвистики) действие указанных процессов весьма удачно, на наш взгляд, описал В.А. Карпов: «Углубление познания в конкретной области имеет двойственный характер: с одной стороны, происходит приращение знаний в этой области, с другой стороны, специфика детализации размывает общность, даже если это общность одной научной дисциплины... Но чем больше наука делится на подгруппы и чем слабее становятся связи между дисциплинами, тем более вероятно, что на основе утраты соответствующих связей замедляется общее развитие познания... Выходом из этого парадокса, способствующим превращению неполноты знания в относительную полноту, может служить некоторая предельно общая теория, соединяющая в целостный объект ранее не связанные отдельные объекты» [5, с. 38].

В.А. Карпов не только обосновал жизненную необходимость для науки создания предельно общих теорий, таких как общая теория систем Урманцева (ОТСУ), общая классификационная модель (ОКМ) С.И. Сухоноса, периодические системы уровней биоорганизации В.Н. Ростовцева, «периодическая система» параметров экономических систем А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, но и сам построил такую предельно общую теорию, названную им лингвистическим универсумом [5, с. 37-57]. Данная пре-

дельно общая теория является системой систем, поскольку объединяет в себе 10 строго ранжированных разноуровневых универсумов-множеств (от множеств письменных культур, литератур, текстов, композиций, словоформ – до множеств морфем, букв, буквоэлементов, «первичных» элементов и субэлементов). При этом в качестве ядерного множества, синонимичного всему лингвистическому универсуму, в монографии В.А. Карпова выступает множество текстов [5, с. 285, 287].

Показательно, что в начале XXI века о доминирующей роли системы экономических текстов среди различных типов экономических систем (научно-теоретических, модельно-управленческих, хозяйственно-практических, экономико-дискурсивных, макроэкономических, хозяйственно-отраслевых и проч.) стали писать и ведущие российские экономисты. В частности, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, профессор В.Т. Рязанов обращает внимание на тот факт, что «в процессе обучения через познание истории экономической мысли и в ходе последующего становления экономиста-теоретика для него в первую очередь важны научные тексты. Многообразие экономических теорий и масштабность накопленного теоретического материала, который должен быть им освоен для занятия наукой, таковы, что просто не оставляют времени для изучения реальной хозяйственной жизни. К тому же развитие экономической науки по пути аналитического усложнения, перенасыщенного математическим аппаратом, ориентирует профессиональную деятельность экономиста-теоретика в основном на изучение и интерпретацию сформировавшегося массива экономических знаний. Это превращает его в своеобразного «толкователя» экономических текстов, к тому же очень часто имеющего весьма приблизительное и книжное знание о настоящей экономике. Отсюда и специфика возникновения новых идей в области экономики. Чаше всего они появляются не от более глубокого и тщательного освоения хозяйственной жизни, а от очередного переосмысления уже существующего научного знания» [12, с. 9-10].

Наиболее наглядно феномен переосмысления (рекомбинирования) имеющихся экономических знаний проявляется в работах современных экономистов, посвященных созданию так называемой системной экономики, в рамках которой сегодня взаимодействуют экономические системы самого разного масштаба (предприятия и их союзы, кластеры, регионы, рынки, инвестиционные и инновационные проекты, научные и образовательные структуры, социальные институты и даже отдельные индивиды) [7, с. 72]. Более того, в экономических исследованиях, ставящих своей целью построение научной типологии экономических систем, существующие экономические знания нередко комбинируются с элементами естественно-научных онтологий (например, с категориями физического пространства и времени). В частности, ведущие экономисты МГУ А.В. Бузгалин и А.И. Колганов еще в 2001 г. писали, что основной задачей их исследования является «представление экономики в виде n -мерного пространства-

времени, а экономической системы – вектора в данном пространстве-времени, имеющего n координат. Результатом его и станет определение того, что есть такая система и каковы ее параметры (структура). Совокупность качественных и количественных параметров по каждой из «шкал» (координат n -мерного пространства-времени) и будет определять конкретную систему» [2, с. 48-49].

Совсем недавно А.В. Бузгалин и А.И. Колганов попытались описать российскую экономическую систему в виде следующих аксиом: «Во-первых, мы будем исходить из того, что экономика есть совокупность взаимодействующих исторически конкретных систем. Во-вторых, последние будут раскрыты как системы элементов (групп элементов – подсистем); экономические системы в свою очередь могут объединяться в метасистемы. В-третьих, экономические системы ограничены во времени и пространстве» [3, с. 9]. Кстати, свой вариант пространственно-временной классификации социально-экономических систем недавно представил и член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер. Главным новшеством в его классификации выступает то, что в дополнение к экономической, политической и социальной сферам общества выделяется еще одна самостоятельная сфера – сфера бизнеса [8, с. 7], хотя ранее бизнес вполне обоснованно считался частью экономической сферы общества.

Поэтому совсем неудивительно, что подобные теоретико-типологические изыски московских экономистов вызывают неприятие здравомыслящей научной общественности. К примеру, главный научный сотрудник Института экономики РАН Ю. Князев пишет по этому поводу следующее: «Предложенная Г. Клейнером «новая теория» социально-экономических систем страдает, на наш взгляд, схематизмом, т.е. подменой сущностных категорий формальными, стремлением привязать реальные процессы к придуманной схеме, даже если они и не укладываются в нее» [9, с. 40].

Кстати, западноевропейские исследователи Р. Харре и Г. Жиллетт еще в 1994 г. обратили внимание на тот факт, что естественнонаучная (ньютоновская) онтология, в рамках которой вещи и события исследуются в пространстве и во времени, не очень подходит для анализа социально-экономической реальности. Целям изучения последней, по их мнению, больше соответствует дискурсивная онтология, в рамках которой речевые акты исследуются в определенной совокупности людей [14, с. 29].

Сегодня указанная дискурсивная онтология лежит в основе следующих направлений российской экономической мысли:

1) **дискурсивный анализ в экономике.** Здесь, прежде всего, необходимо назвать работы В.М. Ефимова, который раньше работал в Центральном экономико-математическом институте РАН, а теперь преподает в Женевском университете. В частности, он определяет суть данного направления следующим образом: «Под дискурсивным анализом в экономике мы будем понимать анализ нарративов, имеющих непосредственное отношение к экономическим процессам и явлениям... Например, для того,

чтобы изучать финансовые рынки, нужно вступить в контакт с такими профессионалами, как трейдеры... Непосредственный вербальный контакт, в результате которого исследователь получает доступ к определенной истории, и есть для экономической науки, как и для других социальных наук, то, что в естественных науках называется научным экспериментом. Работая с транскриптом бесед-интервью, исследователь формирует концепции и понятия, которые в сжатой форме отражают изучаемое явление и, образовав связную систему, дают исследователю понимание этого явления» [4, с. 26, 29, 31];

2) **дискурсивная экономика.** Возможности данного направления раскрываются в статье российского экономиста Е.В. Балацкого. Он называет дискурсивной экономикой «науку, которая изучает все социальные процессы через призму языка и посредством смысловых концептов, заложенных в устной речи и письменных текстах... Социальная эволюция – это непрерывный поиск равновесия, а социальное исследование – изучение причин нарушения равновесия посредством анализа дискурсивных практик. В каком-то смысле удержание общества вблизи пресловутого равновесия и составляет цель дискурсивной экономики и основанной на ней системе управления» [1, с. 163, 166].

Несмотря на сформированность в рамках российской экономической науки двух указанных направлений (дискурсивного анализа в экономике и дискурсивной экономики), «до сих пор экономический дискурс воспринимается как единое целое, с отдельными вариациями либерального и протекционистского, рыночного и государственнического акцентов; до сих пор не ведётся контент- и тем более дискурс-анализ корпуса экономических текстов; нет работ по различению экономического и политического дискурсов» [10, с. 22]. Хотя общее количество выявляемых типов и жанров экономических дискурсов стремительно увеличивается (к примеру, в статье голландского экономиста А. Кламера называется 8 таких типов [6, с. 50-52], в статье российского исследователя В. Крысова – 9 типов [10, с. 23] и т.д.). Все это свидетельствует о том, что в экономической науке до настоящего времени не сложилась предельно общая теория, которая позволила бы развести по разным подсистемам и уровням такие отличающиеся дискурсивные практики, как разговор экономистов-теоретиков и разговор преподавателей экономики, экономическое общение хозяйственников и выступления политиков на экономические темы, бизнес-дискурс и обывательский экономический дискурс.

На наш взгляд, в качестве такой предельно общей теории, которая может лечь в основу развития дискурсивной экономики, целесообразно использовать лингвистический универсум В.А. Карпова, который имеет достаточно открытый характер для использования в различных предметных областях. Указанное достоинство своего универсума осознавал и сам В.А. Карпов, когда писал о том, что «используя один и тот же элемент в качестве универсума (подуниверсума), мы можем получить множество новых периодических систем до пределов, поставленных разумной необхо-

димостью или степенью развития инструментальных средств» [5, с. 53]. Считаю, что полноценное использование лингвистического универсума экономистами станет реальностью в том случае, если экономисты перестанут «вариться в собственном соку» и будут читать не только экономические тексты, но и работы других гуманитариев (философов, социологов, правоведов, политологов, лингвистов), а также будут изучать различные типы и жанры экономических дискурсов, формируемых как в рамках экономической науки, так и в рамках хозяйственной деятельности. На деле это означает отказ экономистов от осознания себя привилегированной кастой, имеющей тесные контакты с властными структурами и особый статус среди ученых и хозяйственников. Здесь уместно будет напомнить тезис В.А. Карпова о том, что «любая граница, проведенная из кастовых интересов, будет тормозить познание, станет некорректно поставленным барьером на пути к истине» [5, с. 230].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий, Е.В. Дискурсивная экономика и ее возможности / Общественные науки и современность. – 2014. – № 1. – С. 163–176.
2. Бузгалин, А., Колганов, А. Экономика: «периодическая система элементов» (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем) / Вопросы экономики. – 2001. – № 12. – С. 46–61.
3. Бузгалин, А., Колганов, А. Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственного регулирования / Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 9. – С. 8–16.
4. Ефимов, В.М. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки / Экономическая социология. – 2011. – Т. 12. – № 3. – С. 15–53.
5. Карпов, В.А. Язык как система. – Минск, 1992.
6. Кламер, А. Странная наука экономика: приглашение к разговору / Экономическая социология. – 2014. – Т. 15. – № 5. – С. 45–52.
7. Клейнер, Г.Б. Системная экономика и системно-ориентированное моделирование / Экономика и математические методы. – 2013. – Т. 49. – № 4. – С. 71–93.
8. Клейнер, Г. Какая экономика нужна России и для чего? / Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 4–27.
9. Князев, Ю. О новом подходе к исследованию экономических систем / Экономист. – 2015. – № 1. – С. 35–40.
10. Крысов, В. Развитие экономических дискурсов: какую реальность изучает экономика // Современный дискурс-анализ. – 2014. – Вып. 11. – С. 21–24.
11. Переслегин, С., Переслегина, А. «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества. – М.: Алгоритм, 2015.
12. Рязанов, В.Т. Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка / Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. – 2008. – Вып. 4. – С. 3–21.
13. Щербин, В.К. Словари концептуального характера и процесс трансляции профессионального знания / Языки профессиональной коммуникации: сб. статей участников Третьей междунар. науч. конф.: в 2 т. – Т. 2. – Челябинск: Энциклопедия, 2007. – С. 286–289.
14. Harre R. The Discursive Mind / R. Harre, G. Gillett. – Thousand Oaks; London; New Dehli: Sage Publications, Inc., 1994.